

ЭМОТИВНОСТЬ В ДИАЛОГЕ И ЭМОТИВНЫЙ ДИАЛОГ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

С. В. Коростова

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 29 мая 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме функционирования эмотивов в русском художественном тексте. Представлены результаты исследования категории эмотивности в диалоге, определена специфика средств репрезентации эмотивности в художественных текстах с разным типом авторизации.*

Ключевые слова: *художественный диалог, эмотив, эмотивное высказывание, третьеличный и перволичный нарратив.*

Abstract: *the article is dedicated to the problem of functioning of emotives in the text of Russian fiction. The results of the research of the category of emotivity in a dialogue are given, the specifics of the means of representation of emotivity in the texts of fiction with different types of authorization are determined.*

Key words: *dialogue in fiction, emotive, emotive utterance, third-person and first-person narrative.*

Текст, который создается в результате речевого общения, персонифицирован. Он не только отражает замысел автора, но и говорит нечто о нем самом. Человеческое сознание двойственно, диалогично. «Жизнь, – пишет известный философ Хосе Ортега-и-Гассет, – отличается именно погруженностью «я» человека в то, что не есть он сам, в чистого другого, то есть в свои обстоятельства» [1, с. 439–440]. Именно это определяет существование диалога в художественном повествовании и диалогичность самого нарратива.

В современных исследованиях вопрос о текстовой организации диалога не решается однозначно. По мнению О. Б. Сиротининой, «разговорная речь почти не знает текстовой организации речи» [2, с. 146]. Большинство ученых (В. Д. Девкин, Н. А. Купина, Т. В. Матвеева, Е. В. Красильникова, И. Н. Борисова) признают текстовый характер разговорных диалогов: «Текстовый статус разговорных диалогов доказывается типовой структурой таких общетекстовых категорий, как текстовое пространство и время, тональность и, с отмеченными ограничениями, – категория темы. Дополнительными текстовыми скрепами разговорных диалогов выступают внешние факторы: ситуация общения и состав участников» [3, с. 139]. Использование разговорных диалогов в художественном тексте предполагает определенную степень их литературной обработки, в результате чего в диалоге появляются структуры, типичные для монологической речи.

Повествование от 1-го лица и третьеличный нарратив, различающиеся в способах выражения категории эмотивности, сохраняют общие характеристики

диалогической речи персонажей, репрезентирующей содержательные и формальные черты реальной коммуникации, разговорной речи. Однако, говоря о категории эмотивности в перволичном нарративе, следует заметить, что степень эмотивности субъектно-речевого пространства повествователя/рассказчика значительно выше, чем в третьеличном повествовании, где субъектно-модальные планы автора и персонажа отграничены друг от друга. Эмотивный диалог в персонажной зоне определяется репрезентацией конфликтной или предконфликтной ситуации как в перволичном, так и в третьеличном повествовании, тогда как эмотивность в диалоге в перволичном нарративе имеет иные средства выражения, нежели в повествовании от 3-го лица.

Эмотивная оценка, как и сама категория эмотивности, отсылает нас к области коммуникативной семантики, так как большинство языковых единиц приобретает способность выражать эмоции лишь в речи, обладая в системе языка лишь потенциальной эмотивностью. Эмотивный компонент коннотации или закрепляется в системе языка, или носит окказиональный, потенциальный характер и проявляется только в речи. Эмотивом может быть не только аффикс, слово, фразеологизм или предложение, но и текст, включающий эмотивы других языковых уровней. Текст, обладающий признаками эмотива, эмоционален, так как эмоциональность есть выражение душевного переживания и чувств говорящего, автора текста. Прагматический потенциал эмотивных синтаксических единиц реализуется за счет общей эмоциональной направленности текста, который они составляют. Референтные границы эмотивных высказываний определены рамками отраженной в художест-

венном тексте эмотивной ситуации, которая представляет собой тот самый код, благодаря которому происходит дешифровка, интерпретация эмотивно-оценочного смысла адресатом, реципиентом.

Прагматика эмотивных высказываний определена их функционированием в сфере адресата, «ты»-сфере, содержащей эмоции, оценки, взгляды говорящего на положение вещей, выражающей его отношение к миру и другим людям. Такой сферой можно признать художественную коммуникацию, отражающую авторскую картину мира. Динамическое коммуникативное пространство русского художественного текста предопределяет динамику смыслопорождения, возможность синтаксических трансформаций субъективно-оценочного характера.

Анализируя эмотивно-оценочные высказывания в текстах с различным типом авторизации, мы учитывали систему речевого взаимодействия коммуникантов, представленную динамической моделью диалога. Диалогическая речь осуществляется с учетом эмотивно-оценочных реакций одного из коммуникантов на реплики другого. Условиями репрезентации подобных реакций становятся конфликтные или предконфликтные ситуации, связанные с нарушением социальной, этнической или общечеловеческой нормы общения.

Показателен с этой точки зрения текст романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». С первых страниц романа Шолохов стремится сохранить в диалогах персонажей подлинность разговорной речи, изобилующей эмотивами. Герои романа говорят, что думают и чувствуют, и так, как думают. Например: (1) *Пантелей Прокофьевич подумал, что им отказывают, – загорячился: – Оно само собой – дело хозяйское... Жених, он навроде старца, где хошь просит. А уж раз вы, к примеру, ищете, может, купецкого звания жениха аль ишо что, то уж, совсем наоборот, звиняйте...*

(2) *...Тек Пантелею Прокофьевичу в уши потокой свашенькин журчливый голосок. Слушал старик Мелехов и думал: «Эк чешет, дьявол, языкастая! Скажи, как чулок вяжет. Петлюет – успевай разумать, что и к чему! Иная баба забьет и казака разными словами... Ишь ты, моль в юбке!» – любовался он свахой, пластавшейся в похвалах невесте и невестиной родне, начиная с пятого колена (Тихий Дон, кн. 1).*

Представленные в диалогической реплике (1) синтаксические конструкции разговорной речи наполнены вводными словами, выражающими неуверенность говорящего в осуществлении цели, причем персонаж оценивает ситуацию как предконфликтную, именно поэтому можно говорить об эмотивном диалоге. Во внутреннем эмотивном диалоге (2) введены эмотивные высказывания, представляющие собой

особый коммуникативный тип: «...Эмоциональная оценка сохраняет максимальную значимость для говорящего, что обуславливает вершинную позицию эмотивного компонента в иерархической смысловой структуре будущего высказывания» [4, с. 28]. Значит, и на этапе внутреннего программирования, внутренней речи, и на этапе вербализации сохраняется типовое значение эмотивных синтаксических конструкций: «Ишь ты + какая/какой/ + негативно-оценочная (реже – позитивно-оценочная) номинация!» (удивление, одобрение/неодобрение, восхищение/возмущение в зависимости от ситуации) (ср. *Ишь ты, благородный какой! Сгинь, сукин сын!...*; *Ишь ты, курва, мало тебя били!...*; *Ишь, джигит нашелся, мать твою курица.*). В приведенном выше фрагменте текста отражены статусные отношения в казачьей среде, которые определяют невозможность вербализации положительной оценки по отношению к женщине. В этом случае мелиоративная оценка может быть отражена только во внутренней речи, причем оценка интенсифицируется и за счет введения эмотивов, к которым относятся бранные слова, просторечная лексика, сравнительные обороты и метафоричные глаголы речи (*дьявол, чешет, как чулок вяжет, петлюет, забьет и казака разными словами*).

Представление об эмоциональной составляющей коммуникации имеет ярко выраженный этнический характер, ведь эмоции любой языковой общности социально и психологически обусловлены национальным опытом, составляя значимый фрагмент картины мира определенного этноса. Донские казаки, как свидетельствует текст романа «Тихий Дон», преимущественно выражают эмоциональные состояния и отношения вербальными средствами, паравербальные – или интенсифицируют речевой акт, или являются дополнительным маркером эмоционального состояния говорящего, но не обязательным компонентом коммуникации.

Например, разговор Пантелея Прокофьевича с Ильиничной о Наталье может служить примером эмотивности в художественном диалоге:

– *Может, хвора?*

– *Нет, пыталась... Либо порчу напустили, либо с Гришкою чего...*

– *Он к этой... случаем, не прибавается опять?*

– *Что ты, дед! Что ты! – Ильинична испуганно всплеснула руками. – А Степан, аль глупой? Не примечала, нет.* (Тихий Дон, кн. 1).

Ситуацию, стимулом которой является душевное состояние другого, близкого человека, нельзя назвать конфликтной или предконфликтной, однако в диалог введены лексические эмотивы просторечного характера и эмотивные высказывания, свидетельствующие о неравнодушии говорящих к судьбе Натальи.

Одним из способов вербализации эмоционального состояния говорящего является употребление в речи эмотивно-оценочных личных имен. С помощью названных языковых средств говорящий не только фиксирует границу личного пространства, но выражает эмоционально-оценочное отношение к собеседнику или ситуации в целом. Имена-обращения эмотивно-оценочного характера способны нести индивидуальный коммуникативный опыт личности, национально-культурные и этнические традиции общения носителей языка.

В языковой картине мира донского казачества, семейный уклад которого формировался под влиянием социальных, нравственных и религиозных представлений, эмотивно-оценочное личное имя в функции обращения становится маркером особых отношений между казаками: социальных, этических, родственных, гендерных и т.д.

Безусловный приоритет среди обращений занимают личные существительные. Основной функцией обращения признается специализированная функция называния адресата – апеллятивная, хотя эмотивно-оценочные антропонимы функционируют и как номинативы. Традиционно выделяют два класса прямого обращения: социально ориентированные и личностно-эмоциональные обращения [5]. Социально ориентированные обращения являются индикаторами более или менее устойчивых социальных позиций собеседников по отношению друг к другу. Их использование обусловлено соблюдением субъектом речи социально предписанных норм этикетного речевого поведения. Речь идет о социально маркированных обращениях (*господа старики, ваше благородие, хозяин, казачок, станичники* и т.п.), которые являются сигналом ролевых отношений, маркером социального взаимодействия коммуникантов.

Казаки в общении друг с другом используют как нейтральные в эмоциональном отношении, этикетные, так и эмотивно-оценочные антропонимы: *односум, ребята, дружок, служивые, атаманец, братцы, братушки, землячок, братцы атаманцы, господин старый казак* и др. На социальной дистанции общения определяющим критерием выбора формы обращения является статусно-ролевое равенство или неравенство коммуникантов. В ситуациях общения, описываемых в романе «Тихий Дон», чаще всего наблюдается статусно-ролевое равенство, отраженное в диалогах казаков. Такие ролевые отношения квалифицируются как симметричные. Диалоги между жителями одного хутора, как и казачьи песни, «разыгрываются», причем перформативность коммуникации проявляется в оценочных высказываниях, включающих прибаутки, дразнилки и прозвища, на которые следует реакция адресата. Говорящий имеет полное право оценить ситуацию и адресата со своей

точки зрения, несмотря на его возрастную или социальный статус. Причем одной из особенностей использования эмотивно-оценочных личных существительных в речи является отражение статусно-ролевого равенства в повседневном общении между мужчинами и женщинами, старыми и молодыми казаками.

Как правило, сценарий такой эмоциональной ситуации включает в себя определенный языковой код, интерпретируя который можно получить представление о коммуникантах. В качестве ключевых слов часто используются эмотивно-оценочные диалектизмы или личные существительные негативно-оценочной семантики. В диалоге на первый план выдвигается эмоционально-оценочная семантика конструкций, целью которых становится выражение эмоционального отношения говорящего к адресату. Например: *...Митька, перегнувшись в седле, открыл калитку, въехал на баз. Его с крыльца окликнула старуха.*

– *Ты, забурунный, чего прибеж?* – спросила она с видимым неудовольствием. *Недолюбливала старая отчаянного и драчливого Митьку.*

– *И чего тебе, Ильинишна, надоть?* – привязывая к перилам жеребца, удивился Митька. – *Я к Гришке приехал. Он где?*

– *Под сараем спит. Тебя, что ж, аль паралик ударил? Пешки, стало быть, не можешь ходить?*

– *Ты, тетенька, каждой дыре гвоздь!* – обиделся Митька. *Раскачиваясь, помахивая и щелкая нарядной плеткой по голеницам лакированных сапог, пошел он под навес сарая* (Тихий Дон, кн. 1).

Речевая цель говорящего – выразить свое неудовольствие, неодобрение, негативное отношение – реализуется в вопросительных синтаксических конструкциях, актуализирующих персональность адресации («ты», «тебя») и направленность эмоциональной оценки. Конфликтность ситуации усиливается в речи за счет использования диалектного эмотивно-оценочного обращения *забурунный*, которое в Словаре русских донских говоров имеет толкование «скандальный, вздорный, драчливый; беспокойный» [6, с. 161]. Ответная реплика адресата представляет собой своеобразную защиту от вербальной агрессии: структура вопросительной конструкции такова, что передает скрытое побуждение, но при этом не вторгается в эмоционально-волеву сферу собеседника (ср. *Не твоё дело, отстань!*).

Эмоциональное состояние адресата – «обиделся» – в контексте отношений между казаками соответствует состоянию недоумения, недовольства, быстро проходящему, не имеющему негативных последствий. Родственный характер обращения – *тетенька* – убеждает собеседника в мирных намерениях говорящего. В диалоге важно, кому принадлежит последняя реплика, именно она снимает дискомфорт от общения

и отчасти нейтрализует негативное отношение собеседника.

Особенностью обращений является то, что они часто сигнализируют о дружественном, фамильярном отношении к адресату, в том числе и к адресату иного социального и возрастного статуса. Когда отношения между говорящими можно представить как горизонтальные или симметричные (собеседники находятся в равной социальной позиции), выбор обращения склоняется в пользу эмотивно-оценочных форм.

Частотными можно признать личные имена существительные, передающие чувства любви или неприязни к другому человеку. Негативно-оценочные личные имена, инвективы в речи героев-казаков позволяют им сохранять душевное равновесие, снять эмоциональное напряжение, поскольку в речи эмотивно-оценочные формы способствуют скорее выражению эмоционального состояния говорящего, чем эмоционального отношения к адресату. Например, Пантелей Прокофьевич, обращаясь к Григорию, передает чувство злости на ситуацию, им созданную, которая противоречит традиционным нравственным канонам казачества (*стервец, проклятый сын, чертово семя, сукин сын, стерва* и т.п.), но при этом продолжает испытывать к нему истинно отцовские чувства. Любящая Григория Аксинья при первой встрече пытается скрыть свое эмоциональное состояние и «разыгрывает» негативное отношение, вводя в речь бранные слова: *чертяка бешеный, дьявол дурной*.

Эмотивно-оценочные существительные могут обозначать лицо либо через какое-то единичное событие или кратковременное отношение, либо через более долговременные, длительные отношения и связи. Именно обращения первой группы, имеющие личностно-эмоциональный характер и обозначающие лицо через «точечное», чаще конфликтное или предконфликтное событие, преобладают у М. А. Шолохова, что, на наш взгляд, объясняется живыми традициями межличностного общения казачества, отраженными в романе «Тихий Дон». Эмотивно-оценочные личные имена в основном национально маркированы, отражают особенности быта и отношений в среде донских казаков, что особенно ярко отражается в эмотивном диалоге в ситуации конфликта:

Потемневший Петро держал под уздцы взволнованных криком лошадей, ругался:

– *Убить бы мог, сволоочь!*

– *И убил бы!*

– *Дурак ты! Черт бешеный! Вот в батину породу выродился, истованный черкесюка!* (Тихий Дон, кн. 1)

Особо следует выделить эмотивно-оценочные обращения, выражающие отношение женщин-казачек

к близким и любимым. Высказывания, обращенные к детям, отражают, как правило, позитивные эмоции, передаваемые и эмотивно-оценочной семантикой антропонимов: *зернышко мое, дочушка, цветочек мой, гулюшка моя, кровиночка моя, ягодка, касатка, внучушка* и т.п. Широкая палитра эмоциональных состояний – от любви до ненависти – находит свое выражение в эмотивно-оценочных обращениях героев «Тихого Дона»: *колосочек, дружечка, голубок, соколик, ягодка ежевичная, черничка, милушка; гадюка подколодная, дьявол хромой, идолюка, стерва* и т.п.

Как показывает анализ функционирования эмотивно-оценочных личных имен, смена эмоциональных состояний говорящего часто происходит в одной конфликтной речевой ситуации и маркируется именно с помощью обращения.

Исследуя способы выражения эмоций персонажей в русском художественном тексте, сценарии эмотивных ситуаций и их результаты, отраженные в последующем повествовании, можно с уверенностью говорить о непосредственной связи между языковым представлением эмоционального состояния говорящего и коммуникативной ситуацией-стимулом.

Вопрос о корреляции непосредственного переживания эмоции и ее описания тесно связан со спецификой представления эмоциональных состояний в художественных текстах. Очевидно, эмотивный синтаксис диалогов в художественном тексте более разнообразен, чем в реальной разговорной речи. Например, в произведениях Ф. М. Достоевского основными синтаксическими средствами передачи эмотивности выступают конструкции с риторическими вопросами и восклицаниями, а также с разного рода повторами (лексическими, смысловыми и синтаксическими). Названные конструкции универсальны в плане отражения эмоций: они используются как для репрезентации положительных эмоциональных состояний (радости, восторга и т.п.), так и негативных (злости, раздражения, горя и т.п.). Например:

(...) *Тут он опять пожал мне руку, и в прекрасных глазах его просияло доброе, прекрасное чувство. Он так доверчиво протягивал мне руку, так верил, что я ему друг!* (Униженные и оскорбленные);

(...) *Он думал, что и я перед ним собачонкой на задних лапках буду выплясывать; на-тка, брат, возьми закуси! Нет, брат, ты только за дугу, а я уж в телеге сижусь!* (Село Степанчиково и его обитатели).

Особую функцию в процессе создания эмотивной доминанты текста выполняют коммуникемы, или эмотивные синтаксические идиомы (термин И. Н. Крутовой).

По мнению исследователей (работы В. Ю. Меликяна, И. Н. Крутовой и др.), коммуникемы представ-

ляют собой нечленимые предложения, экспрессивность которых «заложена не только в их коннотативном аспекте, но и в ядре значения» [7, с. 22]. Эмотивные синтаксические идиомы в речи персонажей реализуют прагматические установки говорящего, опосредованно выражая эмоциональное состояние или отношение к собеседнику:

1) (...) *Нечего было тут прибавлять. Я молчал, и мне самому хотелось заплакать, смотря на нее, так, от любви какой-то. **Что за милый был это ребенок!** Я уж не спрашивал ее, почему она считает себя способною сделать счастье Алеши.* (Униженные и оскорбленные);

2) (...) *Но потом каждый день я угадывал в ней что-нибудь новое, до тех пор мне совсем незнакомое, как будто нарочно скрытое от меня, как будто девушка нарочно от меня пряталась, – и **что за наслаждение было это отгадывание!*** (Униженные и оскорбленные);

3) (...) – *Вообще мы теперь уговариваемся в наших убеждениях и положили заниматься изучением самих себя порознь, а все вместе толковать друг другу друг друга...*

– ***Что за галиматья!** – вскричал князь с беспокойством, – и кто этот Безмыгин? Нет, это так оставить нельзя...* (Униженные и оскорбленные).

Как показывают исследованные тексты, эмотивные синтаксические идиомы, построенные по модели «**Что за + Имя сущ. в Им. п.**» в перволичном повествовании чаще выражают восхищение [7], однако в эмотивном диалоге, отражающем конфликтные или предконфликтные речевые ситуации, могут менять свое значение, выражая недовольство или недоумение в зависимости от прагматической установки говорящего (см. выше пример 3).

Конструкции, построенные по модели «**Какое + повтор одного из слов предыдущей реплики собеседника!**», служат созданию диалогического единства, выполняют текстообразующую функцию, выражая опровержение, отрицание, несогласие, одновременно интенсифицируя эмотивно-оценочные смыслы неодобрения, возмущения, раздражения в текстовом пространстве микрополя эмотивной оценочности [8, с. 32], например:

(...) – *Как третий день? – спросил я в изумлении, – да она сама вчера говорила, что он вчера утром был да еще вчера **вечером** хотел приехать...*

– ***Какое вечером!** Он и утром совсем не был! Говорю тебе, с третьего дня глаз не кажет»* (Униженные и оскорбленные);

(...) – *Не обедала, а ужинала. Дворник принес. Вы, впрочем, не разговаривайте, а **лежите** покойно: вы еще не совсем здоровы, – прибавила она, поднося мне чаю и садясь на мою постель.*

– ***Какое лежите!** До сумерек, впрочем, буду лежать, а там пойду со двора. Непременно надо, **Леночка** (Униженные и оскорбленные).*

Необходимо заметить, что использование эмотивных синтаксических идиом (коммуникем) в качестве средств выражения эмоций героев, возможно, объясняется их универсальным характером: эмотивно-оценочный смысл таких конструкций «считывается» благодаря представленной речевой ситуации и общим фоновым знаниям автора и читателя, исключая в большинстве случаев авторский комментарий о том, в каком эмоциональном состоянии находится говорящий персонаж.

В отличие от коммуникем, доминирующих в эмотивном диалоге, риторические вопросы и восклицания предполагают такой комментарий, включающий номинант эмоции или ее дескриптор, т.е. описание мимики и жестов, сопровождающих вербальное выражение эмоционального состояния. Например: (...) – ***Ах, зачем мы не все счастливы! Зачем, зачем!.. Боже! Что это я такое сделала!** – вскричала она вдруг, точно опомнившись, и, вся задрожав от ужаса, закрыла лицо руками* (Униженные и оскорбленные);

(...) – *Так будешь? – спросил он настойчиво.*

– *Сказал, что буду.*

– *Нет, дай честное слово.*

– ***Фу, какой! Ну, честное слово*** (Униженные и оскорбленные).

Сравнивая представленные конструкции, можно убедиться в том, что коммуникемы выражают эмоциональное состояние говорящего как в реальном, так и в виртуальном диалоге, каковым является художественный диалог двух персонажей, тогда как риторические высказывания способствуют созданию эмотивности в диалоге, скорее характеризуя некое театральное действие, представление, типичное для разыгрываемых в художественном пространстве ситуаций. Преобладание последних в прозе Ф. М. Достоевского, на наш взгляд, определяется установкой писателя на интенсификацию эмотивного пространства романов за счет неожиданных скандалов и конфликтных ситуаций, тем самым актуализируется авторское отношение к риторике героев и самим персонажам.

Исследование конструкций эмотивного синтаксиса в русском художественном тексте позволило сделать вывод о том, что они несут в себе не только изображение эмоций героев, но и определяют специфику языковой личности самого автора. В художественном тексте, как справедливо замечает О. В. Шаталова, «принципиальным является соотношение языковой личности автора и языковой личности персонажа. <...> ... анализ синтаксической репрезентации образа автора и персонажа доказывает различие

как позиций автора и его героя, так и форм реализации их позиций» [9, с. 175].

Перспективным представляется изучение эмотивного диалога и эмотивности в диалоге в контексте анализа языковой личности писателя, языковой картины мира, отраженной в перволичном и третьеличном нарративе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.

2. *Сиротинина О. Б.* Разговорный стиль / О. Б. Сиротинина // Функциональные стили и формы речи. – Саратов : Изд-во СГУ, 1993. – С. 140–167.

3. *Матвеева Т. В.* Непринужденный диалог как текст / Т. В. Матвеева // Человек. Текст. Культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 125–140.

4. *Пиотровская Л. А.* Взаимодействие эмоциональной и рациональной оценки в процессе порождения речи

/ Л. А. Пиотровская // Русский язык : исторические судьбы и современность : труды и материалы III Международного конгресса исследователей русского языка / сост. М. А. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М. : МАКС Пресс, 2007. – С. 28–29.

5. *Долинин К. А.* Стилистика французского языка / К. А. Долинин. – М. : Просвещение, 1978. – 303 с.

6. *Словарь русских донских говоров* : в 3 т. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1975–1976.

7. *Меликян В. Ю.* Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи : словарь / В. Ю. Меликян. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 240 с.

8. *Коростова С. В.* Эмотивность как категория художественного текста / С. В. Коростова // ФИЛОЛОГОС. – Вып. 14 (3). – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. – С. 28–36.

9. *Шаталова О. В.* Синтаксическая характеристика языковой личности / О. В. Шаталова. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. – 200 с.

Южный федеральный университет

Коростова С. В., доцент кафедры русского языка

E-mail: svetolen@yandex.ru

Тел.: 8 (863) 257-80-46

Southern Federal University

Korostova S. V., Associate Professor of the Russian Language Department

E-mail: svetolen@yandex.ru

Tel.: 8 (863) 257-80-46